

И. Ф. Девятко

БАУМАН З. НА ЧТО УКАЗЫВАЕТ ПОСТСОВРЕМЕННОСТЬ. Лондон: Рутледж, 1992.

Bauman Z. *Intimations Of Postmodernity*. London: Routledge, 1992.

Книга состоит из очерков, написанных в разное время и на разных стадиях дискуссии о постмодернизме. Автор отмечает, что отсутствие всяких претензий на жесткость логической структуры изложения и, следовательно, на стройность окончательного интеллектуального синтеза связано не только с конкретными обстоятельствами написания книги, но и с тем, что несогласованность и принципиальная неполнота являются фундаментальными чертами постсовременного состояния и постмодернистского дискурса. Анализ этих черт и посвящена книга.

Читатель, знакомый с предыдущими работами Зигмунта Баумана, наверняка увидит, что за этими «указаниями» и «намёками» — оба слова годятся для перевода «Intimations» в заглавии книги — на самом деле стоят организующее и проясняющее начало, стремление к упорядочению и развертыванию определенного смыслового пространства, столь свойственные интеллектуальной манере автора. Книга Баумана — одна из первых фундаментальных социологических работ о проблеме постмодернизма, в последние годы обсуждавшейся преимущественно в философских и искусствоведческих публикациях.

Бауман с удивительной скрупулезностью анализирует все основные темы и противопоставления, вокруг которых строится спор о постмодернизме, не оставляя без внимания даже побочные сюжеты, позволяющие воссоздать идейную генеалогию вопроса. Первая из смысловых линий, детально прослеживаемая в нескольких главах, связана с рассмотрением ситуации, в которой оказалась социология в конце XX века. Проект научной социологии зародился и оформился как часть более широкого просвещенческого «проекта современности». Последний ставил своей целью прогресс как движение к основанному на универсальном разуме социальному порядку. Человек знания, социолог, интеллектуал наделялся правом преимущественного доступа к абсолютной истине, добру и красоте. Именно такой человек мог перекинуть мост от *сущего* — неупорядоченного естественного состояния людей и вещей, возникшего в результате распада предустановленного Богом миропорядка, к *должному*, т.е. к утопии идеального города, управляемого просвещенными политиками и человеколюбивыми философами. Возникновение практики социального планирования — в ходе институционализации европейских обществ как централизованных национальных государств — было сопряжено с соответствующей идеологией. Создателями, глашатаями и носителями этой новой идеологии культуры и стали европейские интеллектуалы Нового времени. Тема культуры как идеологии интеллектуалов и, соответственно, тема конституирования знания как власти получила исчерпывающее рассмотрение в предыдущей книге З. Баумана [1]. В первых главах рецензируемой работы Бауман идет значительно дальше в анализе модернистской стратегии интеллектуалов - стратегии лицензирования и легализации различий между людьми, мнениями и «практиками», в которой все наблюдаемые расхождения трактуются как культурные вариации внутри разумного миропорядка.

Постмодернизм, рассматриваемый Бауманом прежде всего как *изменение культурной парадигмы* (той же точки зрения придерживается и автор другой авторитетной монографии о постмодернизме С. Лэш [2]), ставит интеллектуалов, в том числе социологов, перед необходимостью изменить стратегию работы. В постмодернистском мировосприятии любые истины, нормативные стандарты и иерархии ценностей навсегда лишаются трансцендентальных оснований и релятивизируются. Социологи больше не могут притязать на то, что их процедурное знание имеет прямое отношение к созданию и поддержанию социального порядка. Все, на что годится процедурное знание — это проверка гипотез, не имеющих никаких конечных обоснований. Каким же образом может социология

приспособиться к миру, где она больше не является привилегированным дискурсом и источником практически применяемого знания о разумном социальном устройстве? Должна ли социология, наряду с другими типами гуманитарного знания участвовавшая в создании бентамовского Паноптикона — т. е., в конечном счете, всеобщей тюрьмы, — с прежним миссионерским жаром взяться за построение всеобщего постмодернистского Бедлама?

Бауман, использовавший для характеристики роли интеллектуала в модернистском дискурсе образ «законодателя», находит иную метафору для постмодернистской интеллектуальной стратегии — метафору «переводчика» (собственно, «истолкователя»). Эта метафора как нельзя лучше соответствует не только целям изложения, но и собственной позиции автора внутри существующей традиции социологической герменевтики. Вместо того чтобы искать наилучший социальный порядок, нужно стремиться к усилению коммуникации между непоправимо различными — при отсутствии высшего оценивающего авторитета — автономными традициями и сообществами дискурса; нужно способствовать переводу утверждений, сделанных в рамках одной традиции (разделяемой реальным или воображаемым сообществом) на язык другой традиции, дабы стали возможными диалог и понимание смысловых горизонтов «другого».

Предлагаемая стратегия, таким образом, подразумевает довольно скромную оценку просветительских амбиций интеллектуалов, присущей им способности помочь «миру и городу». Однако эта оценка не распространяется на отношение к собственной традиции. Здесь они сохраняют профессиональную автономию и авторитет, определяя процедурные правила для сравнения и проверки обоснованности мнений и вынесения сверхиндивидуальных нормативных суждений. Постмодернизм для Баумана — скорее продолжение тенденций модернистского проекта, чем его отрицание. Поэтому оказывается, что на смену тотальному универсализму приходит «частный» универсализм — в данном случае, универсализм внутри собственного профессионального сообщества, границы которого, правда, довольно трудно очертить. На смену дифференциации идет не столько де-дифференциация, как полагают многие авторы, сколько дальнейшая плюрализация смыслопорождающих инстанций, более не нуждающихся ни в каком узаконении и вполне автономно борющихся за восприимчивость и общественное внимание. С исчезновением общезначимых и общеобязательных оснований для оценки истинности или смысла исчезла почва для миссионерских претензий и веры в какое бы то ни было «Общее Дело».

Побочным эффектом избавления от взгляда на человеческую историю как разумный процесс стала необходимость примириться со случайностью и неопределенностью, являющимися всеобщей судьбой. Завоевания критического разума неожиданно обернулись ловушкой эмансипации. После того, как все мыслимые источники авторитета были развенчаны, страх и экзистенциальная неопределенность приватизировались, превратились в «личное дело» каждого. Здесь начинается еще одна важная тема монографии.

Ни обычные люди, ни социальные философы еще не способны окончательно смириться со случайностью существования и негарантированностью смысла. Продолжает существовать нужда в одобрении, нормах и санкциях. Ни универсальный разум, ни законодательные органы государства более не являются носителями высшего авторитета. Поэтому возрастает роль «воображаемых сообществ», самоназначенные члены которых готовы признать сверхиндивидуальный авторитет ими же созданного коллективного дискурса. Возникающая в результате *солидарность* может иметь весьма сильную аффективную опору, однако она лишена институциональной поддержки и располагает лишь теми ресурсами власти и влияния, которыми ее добровольно снабдили индивидуальные участники. Так власть и политика начинают неумолимо «сползать» в сферу приватного, сферу обыденной жизни, личных отношений. Здесь возникают специфические постмодернистские формы политического действия, отныне сосуществующие с моделями организуемого государством политического процесса, моделями, сформировавшимися в Новое время. Бауман полагает, что к типично постмодернистским можно отнести *трайбализм* (где постмодернистские племена — это «воображаемые сообщества»), ведущие

битву за эмоциональную власть); *политику желания*, стремящуюся превратить свои цели в мотивы поступков автономных деятелей; тесно связанную с политикой желания *политику страха*, ограничивающую бесконечность свободного выбора и воления опасениями перед известными и неизвестными негативными последствиями, а также *политику определенности* — неутомимый поиск социального подтверждения сделанного выбора.

Помимо политики определяющей частью социологической теории постмодернизма является этика. Собственно постмодернистская этическая проблематика с точки зрения Баумана, определяется двумя ключевыми особенностями постсовременного состояния — *плюрализмом власти* и исключительной ролью *выбора* в самоконституировании агентов действия. Чем выше степень самодетерминации и, соответственно, чем меньше влияние гетерономного контроля, тем явственнее роль морального самосознания. Этические принципы превращаются в единственный источник критериев для выбора и оценки, не несущий в себе угрозы индивидуальной автономии.

В заключающем книгу интервью, которое Бауман дал летом 1990 г., есть небольшой фрагмент, где обсуждается возможность провести границу между социологией как культурной активностью *par excellence* и социальной философией, журнализмом, другими приятными вещами. Отличие, говорит Бауман, заключается в том, что это *наша* традиция, стражниками которой мы являемся. «Мы» — это аналог «эстетического сообщества» в кантовском смысле, представляющего собой единственное, хотя и весьма хрупкое, условие вынесения эстетического суждения, единственную гарантию обоснованности мнений о прекрасном и безобразном. Процесс постоянного воссоздания этого сообщества через собственное добровольное участие — это вся доступная нам «объективность». Даже точка зрения Хабермаса, допускающего существование надежного знания, чересчур оптимистична для баумановской социологической герменевтики. Однако, если это и пессимизм, то пессимизм героический. Ведь подлинное достоинство и мужество заключаются в том, чтобы беречь именно хрупкое и уникально-случайное. Все остальное может себя защитить...

Литература

1. Bauman Z. Legislators and interpreters. Oxford: Polity Press, 1987.
2. Lash S. Sociology of postmodernism. London: Routledge, 1990.